

ГЕНДЕР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Феминистские размышления о гражданстве и военной службе в условиях глобализации

Наталья Данилова

Формирование общества эпохи глобализации заставляет исследователей в очередной раз обратиться к поиску адекватного меняющимся политическим, экономическим и социальным условиям значения категории «гражданство». Гражданство, являясь до сих пор одним из базовых форм выражения государственности в современном мире, в концептуальном смысле остается достаточно абстрактным понятием. На сегодняшний день в социальной науке существует множество моделей обоснования гражданства. Среди них можно выделить три наиболее значимые модели: гражданство права Т. Маршалла (*T. Marshall*)¹, представленное как результат исторической эволюции трех типов прав (гражданских, политических и социальных); гражданство практик Б. Турнера (*B. Turner*)²; гражданство как принадлежность к различным типам общностей Н. Юваль-Дейвис (*N. Yuval-Davis*)³.

Феномен гражданства привлекает внимание многих феминистских исследовательниц (К. Пейтман 1988, Ш. Муфф 1992, Л. Фогель 2001 и др.)⁴. Поскольку гражданство реализует официальную, нормативную версию понимания прав/обязанностей индивида в данном обществе, анализ этой категории дает возможность выявить структуру отношений власти между полами, а следовательно, попытаться ответить на один из основных вопросов феминистской дискуссии.

В большинстве моделей реализация статуса гражданства предполагает взаимосвязь прав и обязанностей гражданина. Однако среди множества форм реализации статуса гражданства сложно выделить какую-либо одну универсальную пару «прав и обязанностей», одинаково значимую для разных типов обществ⁵. Одной из редких устойчивых форм реализации статуса гражданства является его взаимосвязь с обязанностью/правом военной службы. Именно о военной службе как обязанности/праве гражданства в контексте феминистской дискуссии будет идти речь в данной статье.

Военная служба как обязанность/право гражданства

Связь между статусом гражданства и военной службой имеет длительную историю. Начиная со времен греческого полиса, Французской революции, Гражданской войны в США, в разное время и в разных государствах служба в армии обеспечивала возможность получения статуса гражданства, как и статус гражданства обязывал защищать интересы государства посредством службы в армии. Обмен между военной службой и гражданством в редких случаях был равноценным. За исключением Атики или Спарты, где все граждане города-государства должны были защищать его интересы с оружием в руках⁶, как правило, служить были обязаны в определенных исторических обстоятельствах (например, в период мировых войн) только определенные категории граждан и из них только некоторые могли получить статус гражданства в награду за военную службу.

Женщины из этой системы гражданства длительное время были исключены. Во времена Французской революции им было отказано в гражданстве «на основании биологических отличий от мужчин»⁷. Носителем статуса гражданства, построенного на априорной связи между гражданством и военной службой, мог в полной мере быть только мужчина-воин.

В современном мире характер связи между военной службой и гражданством зависит от организации вооруженных сил. Так, наиболее плотная связь между гражданством и военной службой достигается в армии *кадрово-призывного типа*. В этом типе армии основная часть граждан проходит службу на основании «*всеобщей воинской обязанности*». Теоретически «всеобщая воинская обязанность» предполагает обязательство «всех граждан» проходить службу в вооруженных силах. Однако на практике в самой системе военного права существуют критерии физического, возрастного и социального состава призывника. Эти критерии соответствия военной службе в рамках модели обоснования военной службы как гражданской обязанности автоматически становятся «стандартами» гражданственности, в соответствии с которыми лишенной статуса гражданства оказывается значительная часть населения страны – как мужчин, так и женщин.

Большинство европейских стран, зная о противоречии между универсальным в идеале и селективным по сути принципом гражданства, предпочитали до недавнего времени сохранять универсальный характер обоснования воинской обязанности при значительном сокращении сроков призыва (например, во Франции, Германии). Причина заключается в том, что в условиях мирного времени военная служба является «идеологическим инструментом утверждения национальной идентичности, солидарности и патриотизма, способствует достижению одновременно двух целей: консолидации общества и укреплению обороноспособности страны»⁸.

В *профессиональной армии* выполнение гражданской обязанности заменяется профессиональной деятельностью, выбранной по собственному желанию и

склонности индивида. Категория «обязанности» гражданства заменяется на категорию «права» гражданства, что может рассматриваться как более прогрессивная форма гражданства. Военная служба в этой системе формально уравнивается с другими гражданскими, профессиональными занятиями, что позволяет отчасти разрушить связь между универсальным характером обоснования гражданства и селективным принципом организации военной службы.

Однако важность военной службы для обеспечения безопасности государства, высокая степень ответственности и риска военной службы, когда «тело является измерением гражданства»⁹, не позволяют ее уравнивать с другими формами гражданской деятельности, тем самым вновь создавая условия для формирования элитарного статуса гражданства военнослужащих. Универсализм гражданства распадается изнутри и производит иерархическую, дифференцирующую систему гражданских статусов, в которой формально «настоящими» гражданами могут быть только «настоящие» воины-мужчины. Этот феномен элитарности военной службы как реализации статуса гражданства использовался политиками в Германии для установления фашистского режима, когда была востребована репрезентация «настоящей» национальной идентичности, в качестве носителей которой были представлены участники Первой Мировой войны. Примером может также служить конструирование привилегированного статуса инвалидов войн по сравнению с другими категориями инвалидов, что отмечает в своем исследовании на примере анализа ситуации в Великобритании Салли Сэйнсбэри (*Sainsbury 1993*)¹⁰.

Принцип права военной службы как составляющей гражданства формально уравнивает шансы мужчин и женщин на службу в армии. Однако в профессиональной армии ограничения статуса гражданства заданы системой условий, социальных, физических качеств потенциальных военнослужащих. Система ограничений на службу в отдельных родах войск, на участие в специальных военных операциях для женщин, гомосексуалов, представителей расовых, этнических меньшинств вновь устанавливает рамки «ограниченного» гражданства. В этом случае условия гражданского права военной службы проговорены, выведены в дискурс – в отличие от «слепого» дискурса обоснования военной службы как гражданской обязанности. Такое выведение в дискурс условий/ограничений гражданства дает возможность дискриминируемым категориям граждан бороться за изменение составляющих гражданского статуса, их независимость от пола, сексуальной ориентации, расы и этнической принадлежности человека.

В современном мире существуют армии, организованные по разным основаниям. Так, на основе «всеобщей воинской обязанности» организованы вооруженные силы Израиля, Германии, Франции, России. Профессиональные армии существуют в Великобритании, США и других странах. Примечательно, что в структуре международного права устанавливается приоритет «обязательной воинской

обязанности» над «добровольной службой в армии»¹¹. Тем самым на уровне современного международного законодательства закрепляется дискриминационная практика гражданства как приоритета «обязанности» над «правом» военной службы.

Феминистская дискуссия о гражданстве и военной службе

По разным проблемам в феминистской дискуссии можно выделить две доминирующие позиции: либеральную и радикальную. Представим эти позиции о статусе гражданства и военной службе. С точки зрения первой – либеральной позиции – военная служба может рассматриваться как важный компонент гражданства. Обеспечение прав женщин на «полноценное» гражданство предполагается посредством постепенного включения женщин в состав вооруженных сил. Вторая – радикальная позиция – предполагает трансформацию всей системы отношений власти, которая включает как деконструкцию связи гражданства и военной службы, так и наделение этих категорий новыми смыслами. Рассмотрим аргументацию каждой из позиций.

Согласно *первой – либеральной позиции* – служба в армии анализируется в категориях достижения гендерного равенства посредством предоставления равных возможностей и прав женщин на военную службу. Эта позиция базируется на суждениях, что «все индивидуумы рождены свободными и равными», «женщины целиком подобны мужчинам во всех существенных аспектах – или им дана такая возможность»¹² и тому подобных доводах либеральной теории. По отношению к женщинам военная служба в традиционной концепции гражданства рассматривается с точки зрения скорее права, чем обязанности.

Классическая теория гражданства Маршалла в данном подходе во многом определяет позиции исследователей в концептуализации гражданства. Так, Сильвия Уолби (*Walby, 1994*) акцентирует внимание на обеспечении политических прав женщин как основного элемента «политического гражданства». Этот тип гражданства, по ее мнению, может обеспечить «демократические права социального и политического участия», «полную интеграцию всех взрослых граждан независимо от расы, этничности, пола и веры» и стать в результате «одновременно и модернистским универсалистским концептом, и национальным проектом»¹³.

Экономические преимущества службы в армии как средства достижения экономического равенства между мужчинами и женщинами отмечаются в анализе Ниры Юваль-Дэйвис (2001). Оценить экономические преимущества военной службы для женщин можно только на основе анализа структурных политических, экономических и социальных условий выбора профессиональной карьеры военнослужащего(ей): «в определении прав и позиций в обществе важно не участие в вооруженных силах, а в каком качестве и какими альтернативными источниками

прав в гражданском обществе человек обладает»¹⁴. Если армия становится единственной альтернативой достижения экономических благ, то такая ситуация скорее свидетельствует об отсутствии выбора и нереализованности гражданского статуса индивида, чем его достижении.

В рамках данного подхода военная служба как право гражданства определяется как значимая для общества «практика, которая обладает как отрицательным, так и позитивным демократическим потенциалом»¹⁵. Поэтому женщины не должны устраняться от участия в этой значимой для общества практике. Напротив, женщины должны использовать демократический потенциал военной службы для того, чтобы в целом стимулировать демократические преобразования в армии (например, воспитание гражданской ответственности, уважение индивидуальной свободы, прекращение практик воспроизводства насилия и агрессивной вооруженной маскулинности), а не только добиваться реализации своих прав на военную службу. Статус женщин-военнослужащих с позиций либерального феминизма становится ресурсом, который дает им возможность участвовать в реформировании вооруженных сил и преобразовании политики национальной безопасности государства, в то время как полный отказ от членства в армии оценивается как условие воспроизводства патерналистских установок в отношении женщин.

Реализация данной стратегии как средства обеспечения «полноценного» гражданства женщин достаточно проблематична. Во-первых, в этом случае неизбежно воспроизводство противоречия универсального в идеале и селективного на практике механизма организации военной службы как механизма реализации статуса гражданства, и как следствие – воспроизводство всей системы «ограниченного» гражданства, дискриминирующего на этом основании как женщин, так и мужчин. Во-вторых, претензия женщин на следование «мужской» роли неизбежно предполагает заимствование практик ее реализации, что также обеспечивает воспроизводство «мужских» практик функционирования армии, которые изначально феминистский дискурс о правах женщин пытался разрушить. Создается ситуация, в которой женщины, как «солдаты Джейн» из известного голливудского фильма, вынуждены отказаться от многих убеждений и реформаторских намерений для того, чтобы стать «настоящими» солдатами – в противном случае их статус «солдат» окажется под сомнением. Таким образом, либеральная стратегия «равных прав женщин на военную службу» как реализации статуса гражданства, хотя и с небольшими вариациями, приводит к воспроизводству и укреплению системы «ограниченного гражданства», в которой права женщин вновь ограничены.

Эти или подобные возражения в отсутствии потенциала изменения системы не раз были высказаны в целом в отношении либерального направления феминизма. «Либеральные феминистки сражались за широкий спектр новых прав для женщин (в том числе и за право военной службы – Н.Д.), чтобы сделать их равноправными гражданками, но при этом не бросали вызов доминирующей либеральной модели

гражданства и политики»¹⁶. Либеральное крыло феминизма утратило революционный потенциал. Как утверждает французская феминистка Антонетта Фуке, «буржуазный порядок, капитализм, фаллоцентризм готовы интегрировать столько феминисток, сколько потребуется. Поскольку эти женщины становятся мужчинами, в итоге это будет означать незначительное увеличение мужчин...»¹⁷. В результате следования либеральной стратегии женщины могут стать «мужчинами» или «солдатами», однако это будет, прежде всего, способствовать воспроизводству существующего порядка. Участие женщин в революционных, «освободительных» войнах создает на время военных действий иллюзию гендерного равенства, которая после окончания военных действий разрушается и приводит к реконструкции патриархатной структуры отношений между полами, еще в большей степени ограничивающей права женщин в данном обществе.

Вместе с тем либеральная позиция – как в целом в феминизме, так и в отношении концептуализации обязанности/права военной службы как составляющей гражданства – служит переходным этапом к следующей, более радикальной и последовательной, на мой взгляд, позиции. В этом подходе достижение «полноценного» гражданства для женщин возможно в случае трансформации всей системы отношений власти и наделения категорий гражданства и военной службы новыми значениями.

Если интенцию либерального подхода можно охарактеризовать как попытку в существующих структурных условиях найти возможности выравнивания гендерной асимметрии и обеспечения прав женщин, то в радикальном направлении предпринимаются попытки предложить альтернативу доминирующей в официальном юридическом дискурсе концепции гражданства. С точки зрения Ниры Юваль-Дейвис, гражданство должно освободиться от нормативного государственного значения, когда «обязанности определяются, исходя из необходимости национальной мобилизации в определенном историческом контексте»¹⁸, и утверждать другие, более гибкие и разнообразные формы членства индивидов в обществе эпохи глобализации.

Переход к новым формам гражданства опирается на определение гражданства в категориях совокупности практик Б. Турнера. Турнер строит двухуровневую систему гражданства, включающую действия индивида в публичном и приватном пространстве. Поскольку традиционно считается, что приватное пространство принадлежит женщинам, переход к нему отчасти позволяет вписать опыт женщин в категорию гражданства. Однако в этом случае возникает опасность воспроизводства иерархии между гражданствами публичного и приватного характера, а соответственно, вновь неполного гражданского статуса женщин. Поэтому более конструктивными можно считать подходы, которые предлагают инструмент, который бы анализировал не столько иерархии, сколько учитывал разнообразие, множественность идентичностей и позиций индивидов в обществе.

Так, альтернативу либеральной концепции гражданства и самому подходу

сходства/различия прав предлагает Лиз Фогель. Фогель обозначает принципы *теории разнообразия*, в которой разнообразие групп, особенностей индивидов, форм «структурного восприятия социального устройства, включающего в себя власть и иерархию» определяют характер функционирования сложных современных обществ. Разнообразие представляет собой «непрерывный и всегда незавершенный процесс спора и неустойчивых соглашений между многими участниками»¹⁹.

Вариацию на тему «разнообразия» и множественных форм гражданства предлагает Шанталь Муфф. Ее позиция определяется принципами *радикальной плюралистической демократии*, в которой гражданство становится «формой политической идентичности» и средством «утверждения свободы и равенства для всех». «Гражданство в данном случае не является лишь одной идентичностью среди прочих, как это имеет место в либерализме, но оно не является и доминантной идентичностью, которая попирает все прочие, как это имеет место с республиканским гражданством. Вместо этого гражданство должно быть связующим принципом, который затрагивает различные позиции субъекта социального действия и в то же время поощряет плюральность специфических видов лояльности и уважения к индивидуальной свободе»²⁰.

Реализация стратегии «трансформации отношений власти» предполагает деконструкцию не только категории гражданства, но и функции армии в обществе. Армия с позиций радикального феминизма в строгом смысле должна перестать быть армией, как и военнослужащие должны потерять статус инструментов и руководителей насилия. Политика милитаризма как выражение агрессивной маскулинности в международной политике должна уступить место другой, гибкой стратегии переговоров и поиска новых, мирных средств обеспечения безопасности общества. В этом случае феминизм использует аргументы пацифизма в обосновании выбора средств разрешения конфликтных ситуаций в сфере международных отношений.

С точки зрения феминизма, сам факт перехода к «миротворческим» операциям, увеличения численности служб помощи гражданам в стихийных бедствиях может рассматриваться как трансформация роли армии в современном мире. Однако, пока практика осуществления «миротворческих» операций в Югославии, Афганистане, Сомали и других странах показывает, что изменения в стратегии армии незначительны, если вообще существуют. Практики насилия в отношении гражданского населения, доминирование милитаристского дискурса, а также ярко выраженные интересы международного капитала в странах третьего мира продолжают определять «мирную» стратегию западных развитых стран.

В современном мире процессы разнообразия и возможности конструирования множественных политических идентичностей в соответствии с принципами радикальной плюралистической демократии могут иметь место в ограниченном количестве стран. Структурные, экономические, политические и социальные условия различия между странами препятствуют реализации новых форм гражданства. Более того, в большей части земного

шара отказ от традиционного национального или территориального определения гражданства вообще вряд ли возможен в ситуации обострения локальных конфликтов и расширяющейся по всему миру кампании по борьбе с международным терроризмом. Эти процессы приводят к обострению противоречий универсального, разнообразного развития «глобального» пространства и локального, национального развития отдельного государства.

Феминизм также отражает этот конфликт. Возможность сохранения единства феминизма отчасти возможна за счет сохранения его универсалистской интенции по поводу глобального «гражданства», защиты прав и борьбы против всевозможных форм дискриминаций женщин. Однако реализация этого проекта явно сталкивается с проблемой локального женского опыта, культурной традиции, в которой находятся эти женщины, и их собственного понимания гражданства в конкретных исторических условиях. В результате «бумеранг» феминизма с его локально-универсалистской ориентацией в случае гражданства постсоциалистических стран Восточной Европы оказывается перед сложной экзистенциальной проблемой²¹.

Военная служба как обязанность/право гражданства в России

Обсуждаемый вопрос о гражданстве и военной службе особенно актуален для России. После экспериментов 1918 года построить Рабоче-крестьянскую Красную армию на основе принципа добровольности принцип *«всеобщей воинской обязанности»* длительное время оставался основным для советских граждан. Этот принцип был закреплен в Законе СССР «О всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 года, провозгласившим воинскую обязанность «почетной обязанностью всех граждан СССР»²².

В различных версиях этого Закона вплоть до 1993 года в России добровольная военная служба и служба по призыву определялись одинаково – как форма выполнения всеобщей воинской обязанности. Такой механизм обоснования воинской службы символически уравнивал позиции призывников и профессиональных военных. Определение военной службы как обязанности демонстрировало полную зависимость армии от государства. Лишение военнослужащих в Советском Союзе статуса гражданства, а также приоритет идеологических принципов обоснования военной службы в Советском Союзе отмечается в работах ряда западных исследователей²³.

В 1993 году был принят прогрессивный с правовой точки зрения Закон «О воинской обязанности и военной службе», в котором были четко разграничены военная служба по призыву и по контракту²⁴. Тем самым были закреплены разные основания военной службы – призывной и контрактной формы реализации воинской обязанности («обязанность» – для призывников и «право» – для контрактников). В то же время значение военной службы как гражданской обязанности продолжает доминировать в российском правовом дискурсе и определять статус гражданства. В соответствии со статьей 59 Конституции РФ «защита Отечества является долгом

и обязанностью гражданина Российской Федерации». Защита Отечества – это не только правовое, но, прежде всего, нравственное требование к каждому гражданину, как утверждает Ю.В. Кудрявцев в комментарии к этой статье²⁵. «Каждым гражданином» в этом случае является здоровый мужчина в возрасте от 18 до 27 лет. Такая формулировка гражданства продолжает утверждать дискриминационную практику ограничения гражданских прав большей части населения страны.

Контрактная основа дала возможность женщинам поступить на военную службу. В результате доля женщин в личном составе российских войск с 3,5% к 1999 году возросла до 10%²⁶. Интеграция женщин в российскую армию осуществлялась в сложных экономических и политических условиях и, как и в других профессиональных сферах, в армии женщины также на данный момент являются уязвимой в профессиональном и правовом отношении группой.

Женщины в российской армии по большей части занимают низшие и второстепенные позиции, поэтому положение российских женщин-военнослужащих трудно охарактеризовать в категориях достижения равенства прав и возможностей. Существующая формальная и неформальная система ограничений по отношению к женщинам на карьерный рост, получение социальных благ, продолжение образования, их структурная позиция в российской армии дает возможность интерпретировать их статус в терминах Ниры Юваль-Дейвис – то есть определять службу в армии скорее как свидетельство ограниченных возможностей экономических, политических и гражданских прав женщин в обществе. Подчиненная позиция женщин в российской армии не позволяет быть им потенциалом изменения стратегии безопасности страны и практик повседневности военной службы. Более того, российские женщины-военнослужащие, как и в целом большинство российских женщин²⁷, не собираются бороться за свои гражданские права, поскольку, во-первых, чаще всего о них не знают, а во-вторых, не верят в саму возможность добиться изменения ситуации законным способом²⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что либеральный проект военной службы как составляющей гражданства в России реализуется «сверху», формально, а женщины не являются инициаторами реализации этого гражданского права. Статусные возможности женщин-военнослужащих не позволяют им серьезно влиять на ситуацию. Экономические, политические и социальные условия функционирования российского общества и армии значительно затрудняют возможность использования принципов радикального феминизма для оценки ситуации в России.

В перспективе армия в России должна стать профессиональной, а военная служба для граждан – не столько обязанностью, сколько правом и профессией. Возможно, отчасти этот переход может привести к конструированию нового значения «гражданства». Но, на мой взгляд, пока для России эта перспектива – только далекий проект будущего. В России военная служба длительное время составляла и составляет на данный момент основной элемент гражданства. Армия в России,

начиная с конца девятнадцатого века, за редкими исключениями, комплектуется на основе «всеобщей воинской обязанности», в отличие, например, от армии США или Великобритании, где армия большую часть военной истории была профессиональной, а «призыв» носил селективный и ограниченный характер. В этих странах философия либерализма и концепция индивидуальной свободы гражданина не позволяла в полной мере рассматривать всеобщую воинскую обязанность как реализацию статуса гражданства. В России сформировалась совершенно другая система гражданства и организации военной службы. Гражданство и военная служба сплелись друг с другом множеством связей. В результате еще длительное время в России «для сохранения военной службы как интегральной части гражданства нации будут принимать наказание в виде военной обязанности»²⁹. Поэтому здесь можно скорее ожидать реализации той стратегии, которую осуществляет Франция – сокращение сроков службы, контрактную форму, альтернативную гражданскую службу, чем попытки деконструкции связи гражданства и военной службы, или самой категории гражданства. Практика, а именно принятый в 2002 году федеральный закон об альтернативной государственной службе, подтверждает реализацию этой стратегии.

Вместе с тем пример России показывает, насколько доводы об открытии границ, разрушении национальных общностей и значений гражданства далеки от ситуации в странах «не-золотого миллиарда». Эпоха глобализации вызывает реакцию национализма и утверждения государственности, что априорно утверждает категорию гражданства нации и не дает возможности вписать опыт женщин или других дискриминируемых социальных групп. С другой стороны, доминирующая репрезентация нации как единого организма и ее позиционирование в современном мире могут рассматриваться как единственная возможность стран и женщин третьего мира заявить свое право на собственную идентичность и понимание реальности.

В заключение мне хотелось бы отметить, что военная служба как обязанность/право гражданства, возможно, является атавизмом эпохи капитализма и в перспективе обречено на утрату своего значения. Однако пока оно остается значимым инструментом утверждения государственности, а следовательно, продолжает и будет продолжать осуществлять дискриминацию гражданского статуса многих женщин и мужчин в мире. Специфика России и других стран «всеобщей воинской обязанности», их история и традиция конструирования национальной идентичности, возможно, предоставят их странам возможность конструирования нового значения гражданства «общности», отличного от либерального принципа гражданства «атомарного» индивида. Может быть, именно на основе этого нового и иного значения гражданства будет возможно другое понимание миропорядка и места женщины в нем. Или, напротив, нам вновь придется констатировать отсутствие самой возможности для феминизма, как и демократии, в России?..

---

¹ T. Marshall, *Citizenship and Social Class* (Cambridge: Cambridge University Press, 1950).

² B. Turner, «Contemporary Problems in the Theory of Citizenship», in B. Turner, ed., *Citizenship and Social Theory* (SAGE Publications, 1993).

³ Юваль-Дейвис Н. *Гендер и нация* (Рига: «Евро-2», 2001).

⁴ C. Pateman, *The Sexual Contract* (Stanford: Stanford University Press, 1998); Ch. Mouffe, «Feminism, Citizenship and Radical Democratic Politics», in Judith Butler and Joan Scott, eds., *Feminist Theorize the Political* (Routledge, 1992), pp. 369-84.

⁵ Юваль-Дейвис Н. *Гендер и нация*.

⁶ E. Cohen, *Citizens and Soldiers: the Dilemmas of Military Service* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1985).

⁷ Скотт Д. «Некоторые размышления по поводу гендера и политики», *Введение в гендерные исследования*, Ч. II, Хрестоматия, под ред. С.В. Жеребкина (Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001), с. 954.

⁸ D. Segal, *Recruiting for Uncle Sam: Citizenship and Military Manpower Policy* (Lawrence: Univ. Press of Kansas, 1989), p. 85.

⁹ Юваль-Дейвис Н. *Гендер и нация*.

¹⁰ S. Sainsbury, *Normal Life: a Study of War and Industrially Injured Pensioners* (Aldershot: Avebury, 1993).

¹¹ *Европейская конвенция о гражданстве* (Страсбург, 6 ноября 1997 г.). Глава VII, «Воинская обязанность в случаях множественного гражданства».

¹² Фогель Л. «По ту сторону равенства: некоторые феминистские вопросы», *Введение в гендерные исследования*, Ч. II, Хрестоматия, с. 905-928.

¹³ S. Walby, «Is Citizenship gendered?», *Sociology*, 28, No. 2, May 1994, pp. 379-395, p. 391.

¹⁴ Юваль-Дейвис Н. *Гендер и нация*, с. 162-174.

¹⁵ C. Snyder, *Citizen-Soldiers and Manly Warriors: Military Service and Gender in the Civil Republican Tradition* (Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 1999), p. 3.

¹⁶ Муфф Ш. «Феминизм, гражданство радикальная демократическая политика», *Введение в гендерные исследования*. Ч. II, Хрестоматия, с. 214-234, 220.

¹⁷ Цит. по Белл Хукс. «Черные женщины: формирование феминистской теории», *Введение в гендерные исследования*, Ч. II, Хрестоматия, с. 929-945, 936.

¹⁸ Юваль-Дейвис Н. *Гендер и нация*, с.186.

¹⁹ Фогель Л. «По ту сторону равенства: некоторые феминистские вопросы», *Введение в гендерные исследования*, Ч. II, Хрестоматия, с. 923.

²⁰ Муфф Ш. «Феминизм, гражданство радикальная демократическая политика», *Введение в гендерные исследования*, Ч. II, Хрестоматия, с. 226-227.

²¹ Жеребкина И. «Двойная ловушка демократии: постсоветский феминизм между универсализмом и локализмом», *Гендерные исследования*, №2, 1995, с. 41-47.

²² Казаков А.В, Сазонов О.Н. *Военная история. Факты, события, процессы*. Справочное издание (Санкт-Петербург: Нестор, 1999), с. 145, 25-26.

²³ E. Jones, «The Armed Forces and Soviet Society», *Understanding Soviet Society*, (Boston: Allen & Unwin, 1988), pp. 320, 239-258; D. Herspring, «Samuel Huntington and Communist Civil-Military Relations», *Armed Forces & Society*. 25, No. 4, Summer 1999, pp. 557-577.

²⁴ Вахнина Л. «Армия и Закон», «Армия от А до Я» (Информационный бюллетень Правления международного, историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал», №25, май 2002), с. 9-14.

²⁵ Комментарий к статье 59, *Постатейный комментарий к Конституции РФ*, под общей редакцией Ю.В. Кудрявцева.

²⁶ Смиров А.И. «Женщины на службе в российской армии», *Социологические исследования*, 11, 2000, с. 128-133.

²⁷ Айвазова С.Г. *Русские женщины в лабиринте равноправия* (М.: ЗАО «Редакционно-издательский комплекс Русанова», 1998), с. 121.

²⁸ Смиров А.И. «Женщины на службе в российской армии», с. 133.

²⁹ E. Cohen, *Citizens and Soldiers: the Dilemmas of Military Service*, p. 68.